



ОБ ОДНОМ ПАРАДОКСЕ РИМСКИХ ЗАКОНОВ О РОСКОШИ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. В литературе неоднократно обращалось внимание на разработанную в античности теорию «упадка нравов», которая связывала кризис римского государства с процессом разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. В то же время от внимания исследователей зачастую ускользает то обстоятельство, что первые законы о роскоши были приняты в Риме раньше, чем там появились признаки массового распространения подобного явления. Законы Клавдия, Метилия и Оппия 218–215 гг. до н.э. отделяет примерно тридцать лет от «азиатских» триумфов Луция Корнелия Сципиона и Гнея Манлия Вольсона 80-х гг. II до н.э., с которыми в античной традиции связывается проникновение в Рим с эллинистического Востока не только отдельных предметов роскоши, но и определенной модели поведения римского гражданина в быту. Создается впечатление, что в римском обществе, едва столкнувшемся с таким явлением, как роскошь, существовало уже как теоретическое осмысление проблемы в виде первых разработок учения об упадке нравов, так и практическое средство ее решения в виде законов о роскоши. В качестве объяснения данного парадокса указывается на условный характер употребляемого в русскоязычной литературе термина «законы о роскоши», недостаточно точно передающего смысл *leges sumptuariae*.

Ключевые слова: Рим, законы о роскоши, греческая философия, фамилия, *sumptus*, *luxus*

Ex Oriente luxus?

История римского сумптуарного законодательства демонстрирует парадокс, не получивший, как представляется, должного освещения в историографии. Принято считать, что первые законы о роскоши появились в древнем Риме не позднее начала II в. до н.э.¹ При этом источники позволяют сделать любопытное наблюдение, суть которого заключается в том, что уже для авторов эпохи Поздней Республики, живших в I в. до н.э., «роскошь» римского образа жизни II в. до н.э. была весьма условной. Примером является Тит Ливий, видевший в триумфах Гнея

Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права и политологии Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции XX Сергеевские Чтения (МГУ, 31 января – 2 февраля 2017 г.). Пользуясь возможностью, выражаю признательность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении.

¹ Kübler 1931, 901–908; Sauerwein 1970; Bottiglieri 2002.

Манлия Вольсона и Луция Корнелия Сципиона, воевавших на Востоке в 80-е гг. II в. до н.э., лишь «зародыш будущей роскоши»². Пришедшие с Востока перемены в жизни Рима он описывает следующим образом: «Именно это азиатское воинство познакомило Город с чужеземной роскошью. Тогда впервые были привезены в Рим отделанные бронзой пиршественные ложа, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева, великолепные по тем временам. Именно тогда повелось приглашать на обеды арфисток и кифаристок, устраивать для пирующих и другие увеселения, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. Именно тогда стали платить большие деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварский труд из обычной услуги возвели в настоящее искусство. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов» (пер. Э.Г. Юнца)³. Красноречивое свидетельство о той эпохе оставил и Цицерон, писавший: «Меня не волнуют богатства, которыми всех Сципионов и Лелиев превосходили купцы и работорговцы, ни одеяния, ни чеканное серебро и золото, которыми наших древних Марцеллов и Максимов побеждали евнухи из Сирии и Египта, ни убранство вилл, в котором Луция Павла или Луция Муммия, заполонивших этими украшениями Рим и всю Италию, без труда превзойдет какой-нибудь делосец или сириец» (пер. В.О. Горенштейна)⁴. Упомянутый Цицероном Луций Муммий Ахейский, консул 146 г. до н.э., как пишет Веллей Патеркул, был «настолько неотесан, что при взятии Коринфа, намечая для отправки в Италию множество картин и статуй, созданных величайшими мастерами, наставлял сопровождающих: “Если с ними что случится, то вы должны будете изготовить новые”»⁵. Возможно, «новый человек» Муммий действительно был мало образован, как это заставляет заподозрить анекдотичный рассказ Патеркула, – но ведь так же дико было и его войско⁶. «Сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин

² По мнению Николая Дамасского, жившего во второй половине I в. до н.э., первым наставником римлян в роскоши был Лукулл, изменивший прежней воздержанности после победоносной войны с Митридатом и Тиграном. Несмотря на то, что возникновение такого явления как роскошь переносится греческим историком более чем на столетие, обращает на себя внимание определенное сходство двух версий – это, прежде всего, акцент на восточное происхождение роскоши и упоминание о триумфе римского полководца, ставшем точкой отсчета ее распространения (Athen. VI.274 e = XII.543 a).

³ Liv. XXIX. 6. 7–9: Asiatico invecta in urbem est. Ii primum lectos aeratos, vestem stragulam pretiosam, plagulas et alia textilia, et quae tum magnificae suppellectilis habebantur, monopodia et abacos Romam aduexerunt. Tunc psaltriae sambucistri. Tum coquus, vilissimum antiquis mancipium et aestimatione et usu, in pretio esse, et quod ministerium fuerat, ars haberi caeque et convivalia alia ludorum oblectamenta addita epulis; epulae quoque ipsae et cura et sumptu maiore apparari coepit. Vix tamen illa quae tum conspiciebantur, semina erant futurae luxuriae.

⁴ Cic. De orat. 70: Neque me divitiae movent, quibus omnes Africanos et Laelios multi venalici mercatoresque superarunt, neque vestis aut caelatum aurum et argentum, quo nostros veteres Marcellos Maximosque multi eunuchi e Syria Aegyptoque vicerunt, neque vero ornamenta sunt villarum, quibus L. Paullum et L. Mummius, qui rebus his urbem Italiamque omnem refererunt, ab aliquo video perfacile Deliaci aut Syro potuisse superari.

⁵ Vel. Pat. I. 13. 4: Mummius tam rudis fuit, ut capta Corintho cum maximorum artificum perfectas manibus tabulas ac statuas in Italiam portandas locaret, iuberet praedici conducentibus, si eas perdidissent, novas eos reddituros.

⁶ В греческой литературе сохранилась целая серия описаний некоторых черт поведения римлян, призванных шокировать читателя. Так, Эвфорион Халкидский сообщал о том, что у римлян было принято предлагать определенную сумму денег тому, кто соглашался подвергнуться обезглавлива-

было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства взяли с собой римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру, это, насколько нам известно, все, что осталось после пожара. Цену бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавилась потоки меди, золота и серебра», – пишет Флор⁷.

Как известно, в Риме того времени не было постоянного театра и библиотеки. Когда в 154 г. до н. э. цензор Гай Кассий Лонгин решил построить театр на Луперкале, он встретил такое сопротивление, что вынужден был отказаться от своего намерения (Vel. Pat. I. 15. 3). Первый мраморный храм в Риме был воздвигнут Квинтом Метеллом Македонским лишь в 40-е гг. II в. до н. э. (Vel. Pat. I. 11. 5). В традиции сохранились сведения о том, что первый врач, грек по происхождению, появился в Риме в конце III в. до н.э., причем методы его лечения встретили такое непонимание со стороны римлян, что Катон Старший запретил сыну обращаться к греческим врачевателям⁸. Расточительный и приверженный роскоши в глазах того же Катона Сципион Африканский для Сенеки был примером добродетельной бедности: он вместе с рабами работал в поле и мылся в тесной и невзрачной бане (Ер. 86. 4–5). Судя по всему, образ жизни Сципиона в его загородном имении не был чем-то из ряда вон выходящим – скорее мы сталкиваемся с нормой быта, выглядевший экзотично лишь в глазах римских авторов Поздней республики⁹.

Упадок нравов в римской общине традиционно связывается с массовым распространением такого явления как роскошь (*luxus*). Как принято считать, ответной реакцией стало принятие, начиная со 181 г. до н.э., целой серии законов против роскоши – *lex Orchia*, *lex Fannia*, *lex Didia*, *lex Licinia* и др.¹⁰. В разряд предметов роскоши во II в. до н.э. включались самые разные вещи: предметы женского обихода (косметика, одежда, украшения), интерьера (импортная мебель, посуда, ковры), деликатесные продукты питания и дорогие вина, молодые рабы, использовавшиеся в сексуальных целях¹¹. Частично перечень того, что в Риме того времени воспринималось как роскошь присутствует в сообщении Плутарха о жизни

нию при условии, что эти деньги будут переданы его наследникам, причем не только находились желающие, но и вспыхивали жаркие споры о том, за кем преимущество в очереди на казнь. Николай Дамасский передает сведения о том, что римляне во время пиров устраивали гладиаторские бои, получая удовольствие не только от еды и вина, но и от вида пролитой крови; более того, некоторые из них вынуждали сражаться красивых рабынь и не достигших зрелости мальчиков (Athen. IV. 153 f, 154 c). По всей видимости, подобные рассказы отразили реакцию греческого мира на встречу с менее развитым и культурно изощренным обществом, хотя не следует исключать и присутствие иных, в первую очередь политических, мотивов.

⁷ Flor. XXXII. 6: *Quid signorum, quid vestium quidve tabularum raptum incensum atque proiectum est! Quantas opes et abstulerit et cremaverit hinc scias, quod quidquid Corinthii aeris toto orbe laudatur incendio superfuisse comperimus. Nam et aeris notam pretiosiore ipsa opulentissimae urbis fecit iniuria, quia incendio permixtis plurimis statuus atque simulacris aeris auri argentique venae in commune fluxerunt.*

⁸ Plut. Cat. Mai. 23. 1–3; Plin. NH. VII. 113; XXIX. 13–14.

⁹ Ср. с фрагментом речи Катона Старшего (ORF.Fragm.128) «*De suis virtutibus contra Thermum*»: «*Ego iam a principio in parsimonia atque in duritia atque industria omnem adolescentiam meam abstrinui agro colendo, saxis Sabinis silicibus repastinandis atque conserendis*» («Всю свою раннюю юность провел я в воздержании и суровых трудах, возделывая поле на сабинских камнях, разбивая и засеивая булыжники», пер. Н.Н. Трухиной). Ср.: Plut.Cat.Mai.3.

¹⁰ Подробнее: Квашнин 2006, 111–115.

¹¹ Astin 1978, 173.

Катона Старшего: «Катон сам говорил, что никогда не носил одежды дороже ста денариев, пил и во время своей претуры, и во время консульства такое же вино, как и его работники, припасов к обеду покупалось рынке всего на тридцать ассов, да и то лишь ради государства, чтобы сохранить силы для военной службы. Получив однажды по наследству вавилонский узорчатый ковер, он тут же его продал, ни один из его деревенских домов не был оштукатурен, ни разу не приобрел он раба дороже, чем за тысячу пятьсот денариев, потому что, как он говорит, ему нужны были не изнеженные красавчики, а люди работающие и крепкие – конюхи и волопасы» (пер. С.П. Маркиша)¹². При этом, однако, ограничения, вводимые римскими законами того времени, затронули лишь предметы женской роскоши и пиришеств¹³. Как справедливо отмечает Г.С. Кнабе, с того момента, как богатство в Риме стало заметным явлением общественной жизни, начинается периодическое издание законов, ограничивавших личные расходы¹⁴.

Сообщении Ливия позволяет хронологически увязать «азиатские» триумфы Луция Сципиона и Манлия Вольсона 188–186 гг. до н.э., с которыми в античной традиции связывалось проникновение в Рим с эллинистического Востока не только отдельных предметов роскоши, но и определенной модели поведения римского гражданина в быту, с принятием, начиная со 181 г., целой серии законов о роскоши. Казалось бы, связь между появлением «роскоши» как социального явления и законами, направленными на борьбу с его проявлениями в жизни римской общины, является очевидной. Однако при кажущейся логичности подобной конструкции непонятной и даже загадочной выглядит группа законов, принятых в годы Ганнибаловой войны. Идентифицируемые в современной литературе как первые законы о роскоши *lex Claudia de nave senatorum* (218 г. до н.э.), *lex Metilia fullonibus dicta* (217 г. до н.э.) и *lex Oppia de sumptu* (215 г. до н.э.) отделяет примерно три

¹² Plut. Cat. Mai. 4.4-5: ἐσθῆτα μὲν γὰρ οὐδέποτε φησι φορέσαι πολυτελεστέραν ἑκατὸν δραχμῶν, πλεῖν δὲ καὶ στρατηγῶν καὶ ὑπατεύων τὸν αὐτὸν οἶνον τοῖς ἐργάταις, ὄψων δὲ παρασκευάζεσθαι πρὸς τὸ δεῖπνον ἐξ ἀγορᾶς ἄσσαριων τριάκοντα, καὶ τοῦτο διὰ τὴν πόλιν, ὅπως ἰσχύοι τὸ σῶμα πρὸς τὰς στρατείας, ἐπιβλήμα δὲ τῶν ποικίλων Βαβυλώνιον ἐκ κληρονομίας κτησάμενος εὐθὺς ἀποδόσθαι, τῶν δ' ἐπαύλεων αὐτοῦ μηδεμίαν εἶναι κεκοιναμένην, οὐδένα δὲ πόποτε πρίασθαι δοῦλον ὑπὲρ τὰς χιλιάς δραχμῶν καὶ πεντακοσίας, ὡς ἂν οὐ τρυφερῶν οὐδ' ὠραίων, ἐργατικῶν δὲ καὶ στερεῶν οἶον ἱπποκόμων καὶ βοηλατῶν δεόμενος

¹³ Чтобы оценить роскошь римских пиров, подвергавшихся запретам со стороны закона и вызывавших осуждение в обществе, приведем только один пример. Закон Лициния Красса разрешал в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, а в остальные дни потреблять не более 3 фунтов (около 980 гр.) сухого и копченого и 1 фунта (327,4 гр.) соленого мяса. Количество плодов земли и деревьев при этом не регламентировалось (Macr. Sat. III. 17. 7–9). Подробнее: Квашнин 2010, 51–59.

¹⁴ Кнабе 1994, 648. Запрет на пиры с большим числом гостей в среде знати или лиц, разбогатевших на торговле или откупах, возможно, помимо чисто конъюнктурных моментов, был связан с тем, что подобное поведение вступало в противоречие с нормами полисного общежития. Было бы неверным говорить о том, что массовые пиришествия были принципиально чужды римской общественной культуре. В источниках сохранились сведения о коллективных жертвенных пирах, проводившихся ежегодно 14 мая для всей римской общины за счет особого налога (Геркулесовой десятины), собиравшегося со знати и торговцев (Dionys. I. 40. 3; Verg. Aen. VIII. 172–190; Plut. R.Q. 18). Судя по сообщению Плутарха, они существовали, по крайней мере, до конца I в. до н.э. (Sull. 35; Cras. 12). Однако, в отличие от частных пиров, подчеркивавших влияние и богатство (и видимо, прямо связанный с ними новый стиль жизни, усвоенный на эллинистическом Востоке) отдельных знатных домов, они не только воспринимались в контексте римской религиозной традиции, но, что важнее, носили общинно-коллективный характер.

десятилетия от триумфов 80-х гг. II в. до н.э.¹⁵. Возникает впечатление, что борьба с роскошью в Риме не только началась одновременно с появлением ее первых признаков в жизни римской общины, но и, более того, опередила его на несколько десятилетий¹⁶. Упрощая, суть парадокса заключается в том, что законы о роскоши появились в Риме раньше самой роскоши.

«Alien wisdom»

С другой стороны, обращает на себя внимание, что примерно в это же время в Риме появляются первые разработки теории «упадка нравов», в которой особый акцент делается на разложении традиционных норм поведения и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. Любопытно, что среди античных авторов не было единства по поводу временной границы, после которой началось разложение традиционных устоев и образа жизни римлян¹⁷. Квинт Фабий Пиктор таковой считал Третью Самнитскую войну (298–290 гг. до н. э.), Валерий Максим – поражение Филиппа Македонского в 197 г. до н.э., Тит Ливий – 187 г. до н.э., Полибий – 168 г. до н.э., Луций Кальпурний Пизон – 154 г. до н.э., Посидоний, Саллюстий, Веллей Патеркул – 146 г. до н.э. Как можно видеть, временной разброс, если отбросить хронологические крайности, составляет примерно 50 лет, с 290 по 146 гг. до н.э., занимая весь промежуток между двумя Пуническими войнами¹⁸.

Особый интерес в данном случае представляет датировка Квинта Фабия Пиктора, указавшего, что римляне впервые «вкусили богатство» в конце IV в. до н. э., подчинив себе сабинян (Strabo. V. 3. 1). Как отмечает Г. Форсайт, смысл этого пассажа не совсем ясен, поскольку непонятно, имелась ли в виду военная добыча и рабы, полученные в результате военной экспедиции Манья Курия Дентата, или же это общая оценка итогов войны с самнитами¹⁹. Оценка древнего историка во многом совпадает с мнением современных исследователей, указывающих на то, что период Самнитских войн был временем начала роста как частного, так и публичного богатства в Риме²⁰. Очевидно, что Фабий Пиктор исходил из конкрет-

¹⁵ Lange 1876, 161; Cássola 1962, 213 f; Sauerwein 1970, 36 f; Baltrusch 1988, 27 f; Dench 1998, 138–139; Ligt 2002, 3.

¹⁶ Возможно, именно отмеченный нами парадокс привел некоторых исследователей к отрицанию прямой связи между влиянием греческой культуры и изменениями в жизни римского общества, на которые указывает Ливий и другие древние авторы (Astin 1978, 174; Gruen 1993, 69–70; Gruen 1996, 173–174). При этом, однако, А. Астин предостерегает от подмены понятий в обсуждаемой проблеме: даже если роскошь в Риме, по его мнению, не ассоциировалась с греческим образом жизни, это не означает, что подобные явления отсутствовали в жизни *civitas*.

¹⁷ Из современных авторов на это обстоятельство обращает внимание Э. Грюэн на примере датировок Полибия и Ливия (Gruen 1996, 173).

¹⁸ Подробнее: Утченко 1952, 109–110; Sauerwein 1970, 177–178.

¹⁹ Forsythe 2006, 335.

²⁰ Cornell 1989, 403. Наиболее зримым выражением этого процесса стал рост земельной собственности. В свое время еще К. Белох обратил внимание на территориальный рост римской общины, ставший особенно заметным к началу III в. до н.э. По его расчетам менее чем за 50 лет Рим расширил свою территорию в два с половиной раза: если на момент окончания Латинской войны она составляла 5289 км², то после завершения Третьей Самнитской войны ее размер достигает 14 тыс. км² (Beloch 1926, 602). К 264 г. до н.э. *ager Romanus* достигает более 26800 км² с проживающим на нем населением ок. 900 тыс. человек (Afzelius 1942, 192; Oakley 1993, 12; Cornell 1989, 403; Rawling

ных фактов и явлений, имевших место в жизни римского общества. Сомнения исследователей в большей степени связаны с его интерпретацией той ситуации, которая возникла в Риме по итогам войн с самнитами. Иначе говоря, вопрос, требующий своего разрешения, заключается в том, насколько самостоятельной была его оценка состояния римского общества.

Как принято считать, учение об упадке нравов как причине разложения государства было создано жившими в Риме представителями эллинистической философской мысли – Полибием, Панетием и Посидонием²¹. В завершённом виде это учение, видимо, было представлено в историко-философском труде Посидония, основное содержание которого передает Диодор Сицилийский в сохранившихся фрагментах XXXII–XXXVII книг «Исторической библиотеки». Как отмечает С.Л. Утченко, Посидоний, развивая и теоретизируя взгляды Полибия и, вероятно, Панетия на исторические судьбы Рима, создал теорию упадка нравов, которая усматривала причины разложения римского общества в нравственной деградации римлян²². Обращает на себя внимание, что описание «золотого века» в Риме у Посидония доводится до момента выхода римского государства за пределы Италии²³. Это позволяет предположить, что оценка рубежа IV–III вв. до н.э. как некой временной границы, обозначившей определенный период в развитии римской общины, впервые появляется в работах живших в Риме представителей греческой социально-философской мысли²⁴. Не стоит сбрасывать со счетов и влияние южноиталийской пифагорейской традиции. Дошедшие до нас источники связывают появление первых норм, ограничивавших роскошь частной жизни римского гражданина с фигурой Гая Фабриция Лусцина, который мог ознакомиться с соответствующим законодательством или направлением социально-философской мысли во время пребывания в Великой Греции²⁵. В традиции присутствуют сведения об интересе Фабриция к различным направлениям греческой философии (Plut. Rugg. 20, Val. Max. IV. 3. 6). Хотя Валерий Максим и Плутарх упоминают только об эпикуреизме, нельзя исключить знакомства Фабриция с другими популярными в Южной Италии философскими школами. В биографии Катона Старшего Плутарх упоминает о его обучении в Таренте пифагореизму (Plut. Cat. Max. 2). Учитывая близость для Плутарха фигур Фабриция и Катона как носителей идеологии спец-

2007, 49). В целом римляне владели более чем 20 % всей земли в Италии. При этом следует учитывать обширную программу колонизации Римом италийских земель, в ходе которой с 334 по 263 гг. до н.э. на новые земли общей площадью ок. 7 тыс. км² было переселено до 70 тыс. человек, включая не только взрослых мужчин, но и их домочадцев (Cornell 1989, 403–405 + Tabl. 9).

²¹ Утченко 1952, 109; Кнабе 1985, 161.

²² Утченко 1952, 111. Как отмечает Посидоний в передаче Афиней, современные ему римляне унаследовали от предков выносливость, неприхотливость в пище, невзыскательность и простоту в быту (VI. 273а, 274а). «Когда-то жители Италии были столь нетребовательны, что даже у людей, подобных нам, и весьма состоятельных, по словам Посидония, сыновья пили воду и ели, что попало. Часто, говорит он, отец или мать спрашивали сына, дать ему груш или орехов, и после такого ужина сын, довольный, ложился спать», – сообщает древний автор (VI. 275 а, пер. Н.Т. Голинкевич).

²³ Sauerwein 1970, 181.

²⁴ С.Л. Утченко в этой связи пишет: «Посидоний в своем анализе причин и картины упадка нравов исходит уже не столько из исторических фактов, сколько из интерпретации этих фактов при помощи философской теории. Эта эллинистическая теория ведет к классическим греческим образцам, к греческим мыслителям, вплоть до Платона и Аристотеля, систематизирующего различные причины гражданских смут и неурядиц» (Утченко 1952, 112). Ср.: Sauerwein 1970, 185; Кнабе 1985, 161.

²⁵ Подробнее: Квашнин 2009, 52–69.

ифического римского консерватизма, отсутствие большого временного разрыва и присутствие в обоих случаях Тарента, вряд ли это сюжетное совпадение является случайным. Можно предположить, что, собирая материалы для жизнеописаний Катона и Пирра, Плутарх использовал какой-то источник, содержащий сведения о знакомстве представителей римской элиты с греческой философией. Впрочем, привязка Катона к пифагореизму и Таренту могла носить и характер «искусственной традиции», сконструированной позднее для обоснования идеи о давности связей Рима с греческим миром²⁶. В любом случае, Плутарх указывает на Тарент как канал трансляции греческой социально-философской мысли в римское общество²⁷.

Таким образом, создается впечатление, что в римском обществе, едва столкнувшись с таким явлением, как роскошь, существовало уже как теоретическое осмысление проблемы в виде первых разработок учения об упадке нравов, так и практическое средство ее решения в виде законов о роскоши. Ситуация, когда правовые акты, призванные остановить или, по крайней мере, минимизировать определенное общественное явление, принимаются раньше, чем в обществе появляются признаки массового распространения данного явления, не только вызывает удивление, но и требует какого-то объяснения.

«Sumptus» или «luxus»?

Как представляется, искомое объяснение связано с необходимостью уяснения истинного значения термина *leges sumptuariae*. Традиционно на русский язык он переводится как «законы о роскоши» или «законы против роскоши». Однако понятие «роскоши» как таковой в латинском языке передается термином «*luxus*»²⁸. Производное от него понятие «*luxuria*» было связано с категориями чрезмерности,

²⁶ Huffman 2005, 328f. Следует отметить, что с IV в. до н.э. не только Рим попадает под влияние эллинистической цивилизации, но и греческий мир со все возрастающим вниманием начинает присматриваться к крупнейшему политическому центру Западного Средиземноморья. Переломным моментом в восприятии римлян стала неожиданная для греков победа молодого гегемона Италии над Пирром, закрепленная двумя успешными войнами с другим крупным политическим центром региона – Карфагеном. Упоминания о Риме можно встретить в сочинениях Аристотеля, Феофраста, Гераклида Понтийского, Дурия, Иеронима, Каллия, Тимея, Каллимаха, Ликофрона, Эратосфена (Momigliano 1975, 12–21; Cornell 1989, 419).

²⁷ Подробнее: Квашнин 2009, 70–86. Принятие законов о роскоши в Риме заставляет обратить внимание на такую сторону проблемы контактов Рима и эллинистического мира, как влияние греческого права на римскую правовую систему. Контакты между Римом и греческими полисами Южной Италии и Сицилии становятся более интенсивными с конца IV в. до н.э., когда район Великой Греции оказывается в сфере интересов римской внешней политики (Cornell 1989, 418–419). Одним из их последствий должно было стать знакомство римлян с правовой традицией, сложившейся в греческом мире, и, в частности, в таком его регионе, как Великая Греция. В данной связи показательным сходом мер, использовавшихся тиранами Сиракуз в IV–III вв. до н.э. для финансирования военных мероприятий полиса, с римским законодательством периода Пунических войн. Более того, подобная практика, вызванная трудностями военного времени, существовала и в других полисных центрах как восточного, так и западного Средиземноморья (Chaniotis 2005, 115–120). Как представляется, это позволяет поставить вопрос о существовании определенных образцов ограничительного законодательства, на которые ориентировались авторы первых законов о роскоши в Риме. Возможным объяснением является рецепция норм греческого права, которому меры, ограничивавшие роскошь, были известны, по крайней мере, с архаического периода (Берве 1997, 33–34).

²⁸ Glare 1968, *luxus*3, 1055; Дворецкий 1976, *luxus* I, 606.

изобилия, избыточности²⁹. В сочинениях древних авторов лексемы, связанные с «luxus», корреспондируют с понятиями высокомерия, своеволия, непокорности³⁰. Собственно, именно в этом контексте следует понимать слова Ливия о том, что армии Сципиона и Манлия занесли в Рим «зародыш будущей роскоши» (*semina... futurae luxuriae*). В то же время слово *sumptus* означает не роскошь как таковую, а расходы, траты на что-либо³¹. Поэтому *leges sumptuariae* – буквально это не законы о роскоши, а законы о расходах, которые являются чрезмерными³². В словаре И.Х. Дворецкого термин *lex sumptuaria*, собственно, и переведен как «закон о расходах» с прибавлением «на роскошь», причем, очевидно, что дополнение дается по контексту³³.

Самое раннее упоминание термина *sumptus* в значении «расход, трата» встречается в сочинениях Плавта и Катона Старшего³⁴. При этом следует отметить, что Плавт довольно редко использует слово *sumptus* в своих сочинениях. Не использует он и термин *luxus* в значении «роскошь», хотя в его пьесах один раз встречается слово *luxuriarii* (*Pseud.* 1107) и дважды *luxuria* (*Trin.* 8; *Asin.* 819)³⁵. В связи с этим основное внимание должно быть обращено на творчество Катона Старшего, в текстах которого можно встретить многочисленные инварианты термина *sumptus*, используемые им применительно к однотипным ситуациям: *sumptuarius* – «касающийся расходов»; *rationes sumptuariae* – «счет расходов»; *sumpto publico* – «на общественный счет»; *sumptu(i) parcere* – «быть экономным в расходах»; *sumptum facere* – «быть экономным в расходах»³⁶. Особо следует отметить, что в текстах Катона Старшего встречается оба термина (и *luxus*, и *sumptus*), но в интересующем нас контексте в подавляющем большинстве случаев используется именно *sumptus*³⁷.

Таким образом, характеризуя римские «законы о роскоши», следует учитывать наличие двух семантически близких линий, которые, во многом совпадая, тем не менее не являются тождественными: если *luxus* скорее ассоциировалась с явлениями, привнесенными в жизнь *civitas* эллинистической цивилизацией и ставшие следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, то *sumptus* была связана с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте

²⁹ Glare 1968, *luxuria*, 1054; Дворецкий 1976, *luxuria*, 606.

³⁰ Дворецкий 1976, *luxuria*. 3–5, 606.

³¹ Glare 1968, *sumptus* (*sumus*), 1871–1872; *A Latin Dictionary* 1958, *sumptus*, 1803; *Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums* 1914, *sumptus*, 1002; *Der Kleine Pauly Lexikon der Antike* 1964, *sumptus*, 431–432; Дворецкий 1976, *sumptus* II, 979; Бартошек 1989, *sumptus*, 305.

³² На данное обстоятельство обращает внимание Б.С. Ляпустин в своей статье 1991 г., посвященной закону Оппия. Как он отмечает, первые законы о роскоши были направлены на экономическое укрепление римской фамилии и недопущение непроизводительных трат их членами. Таким образом, целью *leges sumptuariae* была экономическая защита и хозяйственное укрепление римской семейной организации за счет контроля над непроизводительными расходами (Ляпустин 1991, 52).

³³ Дворецкий 1976, *sumptuarius*, 979.

³⁴ Например: *Plaut. Trin.* 250; *Mer.* 693; *Mil.* 673; *Cat. Agr. I.5*, XXII.3

³⁵ *Nauri* 1976, 429–430.

³⁶ Дворецкий 1976, *sumptuarius*, *sumptus* II, 979.

³⁷ Так, в фрагментах речей Катона Старшего встречается как *luxuriöse*, так и *sumptu*; в то же время, если в первом случае речь идет об избыточном состоянии радости, то во втором – именно о расходах (*ORF. Fragm.* 163, 173). Точно так же в «Земледелии» для характеристики неподобающей вилки жены используется прилагательное *luxuriosus* в значении «своевольная, испорченная» (*Agr.* 143).

жизни *familia* и ее хозяйственной деятельности. Поэтому если термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова *sumptus* было связано (и куда глубже уходило в историю Рима) с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

В то же время, не будучи тождественными, две этих линии пересекались. Попытавшись определить точки такого пересечения, мы приблизимся к пониманию того, как и чем была очерчена сфера действия римских «законов о роскоши». Первой точкой пересечения, без сомнения, является *familia* как исходный (для рассматриваемой эпохи) и одновременно базовый социоэкономический организм. Очевидно, что расходы, наносящие вред семейной организации или ставящие под угрозу ее существование, не могли не восприниматься в римском обществе как явление крайне отрицательное. Поэтому, как представляется, появление в Риме эпохи Республики законов, которые должны были исправить, а в идеале предотвратить подобную опасность, было неизбежным. Второй точкой пересечения семантических полей *luxus* и *sumptus* была *civitas*, сама гражданская община. Собственно говоря, две указанные точки и определили ареал распространения явления, которое мы обозначаем как «законы о роскоши». Помимо прочего, это позволяет отделить от *leges sumptuariae* внешне похожие законы (в силу чего они порой смешиваются в литературе), которые имели, однако, совершенно иные цели (законы, посвященные электоральной коррупции, вопросам наследования и т.д.)³⁸.

Таким образом, при учете истинного смысла термина *leges sumptuariae* отмеченный выше парадокс представляется мнимым. И плебесциты периода Ганнибаловой войны, и законы II–I вв. до н.э. в равной степени могут быть отнесены к *leges sumptuariae*, поскольку и те, и другие были направлены против расходов, чреватых негативными последствиями, но принимались (и должны восприниматься нами) в различном социоэкономическом и политическом контексте. Рассматривая термины *luxus* и *sumptus* как близкие по смыслу, но не совпадающие полностью понятия, следует обратить внимание на то, что понятие *sumptus* не только явно появилось раньше хронологически, но и было шире по своему содержанию. Тенденция к их слиянию (если их рассматривать в контексте истории *leges sumptuariae*) возникает не раньше II в. до н.э., когда «роскошь» (и расходы на нее) начинают проникать во все сферы общественного бытия Рима.

³⁸ Можно говорить о том, что в научной литературе существует два подхода к пониманию термина *leges sumptuariae*. Более распространено «широкое» толкование, когда под ними понимается особая группа законов, направленных на ограничение расходов частных лиц в различных областях жизни. В нее включаются правовые акты различного рода, направленные против организации дорогостоящих пиршеств, погребений, игр, приобретения одежды и украшений, предметов домашнего обихода, практики вымогательства дорогих подарков. Свое крайнее выражение такой подход нашел у Ф. Виекера, причислявшего к законам о роскоши все мероприятия римских властей, так или иначе направленные на оздоровление общественной морали (Wieacker 1961, 63). Как справедливо заметил в данной связи Э. Балтруш, издержки такой методике связаны с вольной или невольной ориентацией исследователя на современные представления о праве, заставляющие искать в римском праве признаки четкой организации и систематизации даже там, где они отсутствовали (Baltrusch 1989, 41). Подробнее: Квашнин 2010, 52–53.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартошек, М. 1989: *Римское право: понятия, термины, определения*. М.
- Берве, Г. 1997: *Тираны Греции*. Пер. с нем. Ростов-на-Дону.
- Дворецкий, И.Х. 1976: Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М.
- Квашнин, В.А. 2006: *Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн*. Вологда.
- Квашнин, В.А. 2009: *Генезис сумптуарного законодательства в древнем Риме*. Вологда.
- Квашнин, В.А. 2010: «Столовые законы» в древнем Риме: К вопросу о соотношении терминов *leges* и *sumptuariae leges cibariae*. *Древнее право* 1 (25), 51–59.
- Кнабе, Г.С. 1985: Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. II. М., 108–166.
- Кнабе, Г.С. 1994: Рим Тита Ливия – образ, миф и история. В кн.: *Ливий Т. История Рима от основания города*. Т. III. М., 590–655.
- Ляпустин, Б.С. 1991: Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши. В кн.: С.К. Сизов (ред.), *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 50–62.
- Утченко, С.Л. 1952: *Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н. э.)*. М.
- Afzelius, A. 1942: *Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.)*. København.
- Astin, A.E. 1978: *Cato the Censor*. Oxford.
- Baltrusch, E. 1988: *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserreich*. München.
- Beloch, K. J. 1926: *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Berlin–Leipzig.
- Bottiglieri, A. 2002: *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana*. Napoli.
- Cássola, F. 1962: *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.* Trieste.
- Chaniotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.
- Cornell, T.J. 1989: The Conquest of Italy. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie, A. Drummond (eds.), *The Cambridge Ancient History*². VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 351–419.
- Dench, E. 1998: Austerity, Excess, Success and Failure in Hellenistic and Early Imperial Italy. In: M. Wyke (ed.), *Parchments of Gender: Deciphering the Bodies of Antiquity*. Oxford, 121–146.
- Forsythe, G. 2006: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Geffcken, J., Ziebart, E. (eds.) 1914: *Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums*. Leipzig–Berlin.
- Glare, P.G.W. 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Gruen, E.S. 1993: *Culture and National Identity in Republican Rome*. London.
- Gruen, E.S. 1996: *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hauri, A. 1976: Une «année de la femme» à Rome, 195 avant J.-C.? In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Melanges offerts à J. Heurgon*. I. Roma, 427–436.
- Huffman, C.A. 2005: *Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge.
- Kübler, B. 1931: *Sumptus*. *RE* 16, 901–908.
- Lange, L. 1876: *Römische Altertümer*. 3 Aufl. Berlin.
- Lewis, Ch., Short, Ch. (eds.) 1958: *A Latin Dictionary*. Oxford.
- Ligt de, L. 2002: Restraining the Rich, Protecting the Poor: Symbolic Aspects of Roman Legislation. In: W. Jongman, M. Kleijwegt (eds.), *After the Past. Essays in Ancient History in Honour of H.W. Pleket*. Leiden–Boston–Köln, 2–12.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: The Limits of Hellenisation*. Cambridge.

- Oakley, S. 1993: *The Roman Conquest of Italy*. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London–New York, 9–37.
- Rawling, L. 2007: *Army and Battle during the Conquest of Italy (350–264 B.C.)*. In: P. Erdcamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden–Oxford–Carlton, 45–62.
- Sauerwein, I. 1970: *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg.
- Wieacker, F. 1961: *Vom römisches Recht*. 2 Aufl. Stuttgart.
- Ziegler, K., Sontheimer, W. (eds.) 1964: *Der Kleine Pauly Lexikon der Antike*. Stuttgart.

REFERENCES

- Afzelius, A. 1942: *Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.)*. København.
- Astin, A.E. 1978: *Cato the Censor*. Oxford.
- Baltrusch, E. 1988: *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserreich*. München.
- Bartošek, M. 1989: *Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Definitions, Terms, Conceptions]. Moscow.
- Beloch, K.J. 1926: *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1997: *Tirani Gretsyi* [The Tyrants of Greece]. Rostov-on-Don.
- Bottiglieri, A. 2002: *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana*. Napoli.
- Cássola, F. 1962: *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.* Trieste.
- Chanotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.
- Cornell, T.J. 1989: *The Conquest of Italy*. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie, A. Drummond (eds.), *The Cambridge Ancient History*². VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 351–419.
- Dench, E. 1998: *Austerity, Excess, Success and Failure in Hellenistic and Early Imperial Italy*. In: M. Wyke (ed.), *Parchments of Gender: Deciphering the Bodies of Antiquity*. Oxford, 121–146.
- Dvoretzkiy, I. Ch. 1976: *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow.
- Forsythe, G. 2006: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Geffcken, J., Ziebart, E. (eds.) 1914: *Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums*. Leipzig–Berlin.
- Glare, P.G.W. 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Gruen, E.S. 1993: *Culture and National Identity in Republican Rome*. London.
- Gruen, E.S. 1996: *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hauri, A. 1976: *Une «année de la femme» à Rome, 195 avant J.-C.?* In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Melanges offerts à J. Heurgon*. I. Roma, 427–436.
- Huffman, C.A. 2005: *Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge.
- Knabe, G.S. 1985: *Istoricheskoye prostranstvo i istoricheskoye vremya v kulture drevnego Rima* [Historical Space and historical time in the culture of Ancient Rome]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kultura drevnego Rima* [Culture of Ancient Rome]. Moscow, 108–166.
- Knabe, G.S. 1994: *Rim Tita Liviya – obraz, mif i istoriya* [Rome by Titus Livius – an image, myth and history]. In: *Liviy T. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [Titus Livius. History of Rome]. Vol. III, 590–655.
- Kübler, B. 1931: *Sumptus*. *RE* 16, 901–908.
- Kvashnin, V.A. 2006: *Zakony o roskoshi v drevnem Rime epokhi Punicheskikh voyn* [Sumptuary Laws in Ancient Rome in the period of Punic Wars]. Vologda.

- Kvashnin, V.A. 2009: *Genezis sumptuarnogo zakonodatel'stva v drevnem Rime* [*Genesis of Roman Sumptuary Legislation in Ancient Rome*]. Vologda.
- Kvashnin, V.A. 2010: «Stolovye zakony» v drevnem Rime: K voprosu o sootnoshenii terminov cibariae leges и sumptuariae leges [«Food Laws» in Ancient Rome: on the problem of correlation terms «cibariae leges» and «sumptuariae leges». *Drevnee pravo* [*Ancient Law*] 1 (25), 51–59.
- Lange, L. 1876: *Römische Altertümer*. 3 Aufl. Berlin.
- Lewis, Ch., Short, Ch. (eds.) 1958: *A Latin Dictionary*. Oxford.
- Ligt de, L. 2002: Restraining the Rich, Protecting the Poor: Symbolic Aspects of Roman Legislation. In: W. Jongman, M. Kleijwegt (eds.), *After the Past. Essays in Ancient History in Honour of H.W. Pleket*. Leiden–Boston–Köln, 2–12.
- Lyapustin, B.S. 1991: Economicheskoe razvitie drevnego Rima v svete zakona Oppiya o roskoshi [Economic development of Ancient Rome in a view lex Oppia de sumptu]. In: S.K. Sizov (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva* [*From the history of Ancient Rome*]. Nizhny Novgorod, 50–62.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: The Limits of Hellenisation*. Cambridge.
- Oakley, S. 1993: The Roman Conquest of Italy. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London–New York, 9–37.
- Rawling, L. 2007: Army and Battle during the Conquest of Italy (350–264 B.C.). In: P. Erdcamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden–Oxford–Carlton, 45–62.
- Sauerwein, I. 1970: *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg.
- Utchenko, S.L. 1952: *Ideyno-politicheskaya bor'ba v Rime nakanune padeniya respubliki* (*Iz istorii politicheskikh idey I v. do n.e.*). [Ideological-political struggle in Rome on the eve fall of Republic (From the history of political ideas of the 1st century BC)]. Moscow.
- Wieacker, F. 1961: *Vom römischen Recht*. 2 Aufl. Stuttgart.
- Ziegler, K., Sontheimer, W. (eds.) 1964: *Der Kleine Pauly Lexikon der Antike*. Stuttgart.

ON A PARADOX OF ROMAN SUMPTUARY LAWS

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashninv195@mail.ru

Abstract. Ancient authors developed a theory of moral decline, which linked the crisis of the Roman state with the process of decay of traditional norms and values (*mos maiorum*) under the influence of alien customs, of luxury and wealth. However, the first Roman sumptuary laws had been taken earlier than gradual extension of luxury began. *Lex Claudia*, *lex Metilia* and *lex Oppia* of 218–215 BC were taken about 30 years before the triumphs of Scipio and Manlius. This gives the impression that in Roman society, barely faced the impact of luxury, had already existed both a theoretical understanding of the problem (philosophical doctrine of the decline of morals) and the practical mechanism in the form of sumptuary laws. The explanation of this paradox is related with the incorrect translation of the term «sumptuary laws» into Russian and other languages.

Keywords: Rome, sumptuary laws, Greek philosophy, familia, sumptus, luxus